

видно, что совершенствование двигателей внутреннего сгорания и создание новых экологически менее опасных двигателей являются мерами, предотвращающими загрязнение воздуха вообще и появление фотохимического смога в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раков Э.Г. Химия и экология. // Химия. 1997. №33. - С1,3.
2. Хабаров О.С., Гродко Е.В. Синева неба. // Человек и природа. 1981. №7. - С.19-65.
3. Браун Т., Лемей Г.Ю. Химия в центре наук. Ч1. М.: Мир. 1983. - 447с.
4. Голубев И.Р., Новиков Ю.В. Окружающая среда и ее охрана. М.: Просвещение. 1985.- 190с.
5. Бримблкумб П. Состав и химия атмосферы. М.: Мир. 1988. - 351с.
6. Исидоров В.А. Органическая химия атмосферы. СПб.: Химия. 1992. - 288с.
7. Скурлатов Ю.И., Дука Г.Г., Мизити А. Введение в экологическую химию. М.:Высш. шк. 1994. - 400с.
8. Стадницкий Г.В., Родионов А.И. Экология. СПб.: Химия. 1996. - 240с.

В.Е.БАРАНОВ

ПУШКИН: ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЛАВЯНСКИМ КОРНЯМ

« Сохраню ль к судьбе презренье ?
Пронесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей ? »

Художественный образ, поданный этим стихотворением / «Предчувствие», 1828 г./, можно представить сквозной темой не только поэтического творчества Пушкина, но и вектором движения его мироощущения, эволюции всей личности поэта.

Пушкину никогда не удавалось жить легко и просто. Мотив «Снова тучи надо мною ...» - вечное состояние его души. И тогда возникают проблемы психологической защиты. Где, в чем искать опору в жизни? Принципиально существует два пути таких поисков. Один из них - поиск опоры в потусторонних силах, в боге, в религии. Другой - искать ее в самой жизни, в естественных человеческих чувствах. Молодой Пушкин, по крайней мере до середины 20-х годов, явно пренебрегает религией. Он ищет опору в концентрации всех земных чувств - в любви. «Предчувствие» заканчивается строфой:

«И твое воспоминанье
заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу прежних дней».

Пушкин сознательно отбрасывает религию как подспорье в жизни. Он не верит в «басни умеренного демократа Иисуса Христа» / Полн. собр. соч. в 10 тт, т.9, М., 1976, с.80 /.

« Когда бы верил я, что некогда душа,
от тленья убежав, уносит мысли вечны
и память, и любовь в пучины бесконечны,
клянусь, давно бы я оставил этот мир...»

/ «Надеждой сладостной...» 1823/.

Вывод один: «Я долго жить хочу, чтоб долго образ милый таился и пылал в душе моей унылой». Посюсторонняя, земная, полнокровная любовь - вот опора человеческой жизни.

Пушкин не принимает религию как опору в жизни потому, что с детских лет был воспитан в другом, не христианском миропонимании и мироощущении. Христианство - это концентрация недоверия к жизни, страх перед ней и смирение перед агрессивными ее сторонами. Мир религии - безлюбовен, безрадостен, враждебен и зол, и зло в нем непобедимо, так что попытки переделать его по своему разумению - это есть гордыня, самый страшный грех. Пушкин же воспитывался в эпоху либеральных надежд и реформ молодого Александра I, в эпоху всеобщего воодушевления борьбой против нашествия Наполеона. Его окружали взрослые, жаждавшие освобождения от «самовластительных злодеев», крепостные крестьяне, не утратившие за восемьсот лет христианизации гордого духа славян. Крепостные няньки, мамки читали дворянским детям сказки. А русские сказки - все языческие, нет ведь ни одной христианской русской сказки!

«Ах, умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О чудесах, о подвигах Бовы...»

/ «Сон», 1816/.

Это естественно-природное, древнеславянское, жизнерадостное, энергическое, победное языческое мироощущение насквозь пронизывает все творчество Пушкина.

Однако, жизнь не проста, а подчас излишне трудна. Многие ее испытания просто не по плечу хрупкому Поэту. 1825-й год, вынужденное холуйство у царя, вечная бедность и неудачное на этой почве сватовство, сужающийся круг друзей. И появляются в творчестве поэта седые пряди отчаяния. Постыдное стихотворение «Друзьям» /1828/ - заискивание перед царем, самообман по поводу его благородства и благодеяний. Отчаянное «Предчувствие», психоделические «Бесы» /1830/, тупиковое «Дар напрасный, дар случайный ...» /1828/, с прямо-таки предсуицидным настроением:

«Цели нет передо мною,
Пусто сердце, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум».

И тут - «ловцы человеков»! - расставляет свои сети церковник, некий митрополит Филарет. Он пишет Пушкину стихотворное религиозное увещание. И отчаявшаяся в борениях душа поэта откликается в 1830 году стихотворением «В часы забав и праздной скуки...». Это такое же заискивание перед выдуманным образом бога, как и незадолго до этого перед выдуманным образом императора:

«Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует.

И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт».

Появляются и другие чисто религиозные стихи: «Монастырь на Казбеке» /1829/, «Отцы пустынноики ...» /1836/ и т.п. В последнем - мотив поиска опоры в религии: молитва «отцов - пустынноиков» «падшего крепит неведомою силой»...

Сдался? Отказался от гордых идеалов своей юности? Внешне - да, и эти настроения, вырванные из контекста позднего творчества Пушкина, сегодня усиленно муссируются насильственно восстанавливающей авторитет христианства нашей официальной культурой. Но при этом замалчиваются другие вещи, написанные в эти же годы. Вот «Элегия» 1930 года - шедевр зрелого, выстраданного оптимизма:

«Но не хочу, о други умирать,
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.
И может быть, на мой закат печальный
блеснет любовь улыбкою прощальной».

Заметим: здесь опять мотив любви как силы, дающей опору в жизни. Или величаво жизнеутверждающий, очищенный от всякой смятенной лирики и лишенный всякой религиозности «Памятник» /1834/. Или еще, 1836 года:

«О, нет, мне жить не надоело,
я жить люблю, я жить хочу ...»

В 30-е годы написаны Пушкиным все его сказки, и все они не только чисто славянские по тематике и духу /"О царе Салтане", "О спящей царевне"/, но еще и язвительно сатиричны и прямо антиклерикальны /"О рыбаке и рыбке", "О царе Дадоне", "О попе и работнике его Балде"/. Дух этих шедевров зрелого мастера и мыслителя - не христианский, а язычески-славянский.

Не случайно в этом периоде и обращение к истории Пугачева.

И наконец, в этот мрачный период своей жизни Пушкин обращается к современному ему славянскому сербскому фольклору, создает цикл «Песни западных славян». Это не случайно. Сербь, при всем их христианстве, самый языческий из всех славянских народов. В их воинственном духе черпает Пушкин оптимизм и силу. Не прав он был, когда писал /в 1826 году/: «На всех стихиях человек - тиран, предатель или узник». Есть еще в этом мире стихи: защита Родины, борьба, и бой, победа и свобода. Эти ценности пушкинского сербского цикла близки и важны и для нас сегодня. Не смирение и молитву предлагает сербам Пушкин, а энергию боя:

«Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уже не сербы, - цыганы?
Или Вы не мужчины, - старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,
Уходите в Вёлейское ущелье.
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош».

Не уходили из жизни и творчества Пушкина настроения чести, гордости, борьбы и требовательности ко всему в мире. И это не христианские, а языческие ценности. И если он подчас соскальзывал с их высот, то постоянно возвращался к ним, подпитываясь от неумирающего источника славянского язычества.